

К 70-летию Василия Ивановича Белова

СЛУЖБА ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Я познакомился с Василием Ивановичем Беловым в 1970 году. В составе советско-болгарского клуба молодой творческой интеллигенции (был в то время такой клуб, созданный комсомолом и делавший чрезвычайно полезные дела, одно из которых и, пожалуй, главное — правильно ориентировать в искусстве и жизни и сводить вместе молодые русские таланты) — так вот в составе этого клуба встретились мы в самолете, летевшем во Фрунзе, теперешний киргизский Бишкек, а там поселились в одном гостиничном номере. И этот день оказался днем рождения Василия Ивановича. Мы решили отметить его вдвоем и, чтобы не разглашать факт такого события, заперлись в номере. Но надолго ли хватит русского человека для сокрытия подобного факта — и уже часа через полтора дверь наша, как и душа Василия Ивановича, была нараспашку, а в номере стоял густой гвалт.

Почти все, что печаталось у Белова, я к тому времени знал. Прочитал и книжку рассказов под названием “За тремя волоками”, и “Привычное дело”, и “Плотнические рассказы”, и “Бухтины вологодские”. Белова читала тогда вся Россия, не знать его считалось неприличным. И я, только-только начинавший писать, вчитывался в его страницы особенно внимательно, пытаясь разгадать магию его слова.

“Деревенская литература”, как мы помним, начиналась с публицистики В. Овечкина, А. Яшина, Г. Тропопольского, Ф. Абрамова, Е. Дороша... Потом пошла проза тех же имен да еще В. Тендрякова, Б. Можая, В. Астафьева, необычайно богатая по слову, живая, полнокровная, народноносная, но и несколько суровая, как и сами авторы, за исключением, пожалуй, В. Астафьева, несколько “настоятельная”. Василий Белов (еще Е. Носов и В. Лихоносов) внесли в нее чувствительность, нежность, особую душевность и сладость деревенской жизни. Сколь многие тысячи, уверен, миллионы не смогли сдержать сердобольных слез над судьбой Катерины и Ивана Африкановича, над участью коровы Рогули, такого же члена их большой, спянной природным единородством семьи, и сколь многие до слез смеялись над завиральными бухтинами Кузьмы Ивановича Барахвостова и над нешуточным соперничеством, пронесенным сквозь всю жизнь, Олеши Смолина и Авинера Козанкова. Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравновесил жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды. Можно, конечно, задаться вопросом: где они, эти благодатные слезы над могилой Катерины и над рассказами Олеши Смолина, почему не дали они урожайные всходы, если в конечном итоге все свелось к тому, что мы сегодня имеем? И где оно, благотворное и учительное влияние литературы, если густой чащей взойшли развращенность и жестокость? Да ведь не нам знать, что стало бы с людьми без этого учительства и без этой молитвы и можно ли сегодняшние нравы принимать за окончательный результат? Может быть, по-прежнему “нам не дано предугадать...”

За тридцать с лишним лет нашей с Василием Ивановичем дружбы и однополчанства в литературе я только все более убеждался в том, что

удалось увидеть и разгадать в нем с первых же встреч. Чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), — душу, которую он точно бы и сам стесняется в своем почтенном возрасте, маскирует ее в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях, вмешиваться во все, что происходит не по чести и совести. Неистовость в работе, способность быть хозяином времени с помощью жесткого распорядка, талант, помимо художественного, вовремя увидеть главное и выстроить свое “собрание сочинений” в точном соответствии с импульсами духовной и социальной судьбы народа. И справедливое, нисколько не завышенное, но и нисколько не заниженное ощущение своей особливости и значимости, способность распорядиться славой не для себя, а для общего дела.

Я бывал у Василия Ивановича в Тимонихе и видел, с каким почтением и с какой любовью относятся к нему земляки, с которыми он знакомил меня, как радательный староста, в чьем распоряжении оказались хозяйственные и личные заботы односельчан. Я бывал в Тимонихе, а он дважды приезжал ко мне на Байкал и, уже защитив свои северные реки от поворота на юг, помогал защищать и наше “славное море”. В Югославии перед поездкой из Пале от Радована Караджича в Сербскую Краину нас предупредили, что дорога опасна и проходит она через линию фронта, но Белов только еще упрямей сдвинул брови: поедем. За городом Брчко, обезлюдевшим и затянутым дымом пожарищ, по нашему микроавтобусу принялись лупить с обеих сторон, со стороны хорватов и со стороны мусульман, а у Василия Ивановича загорелись от возбуждения глаза, когда шофер, маневрируя, то резко тормозил, когда нас брали “в вилку”, то бросал вперед машину на огромной скорости. В 1989-м мы сознательно пошли в народные депутаты, чтобы не оставаться сторонними наблюдателями того, как “перестроечную” страну терзают обнаглевшие “ястребы” и “крысы”, а Василий Иванович пошел еще и в Верховный Совет. Дважды мы вместе напрашивались на прием к Горбачеву, надеясь добиться ответа, что происходит, и Василий Иванович всякий раз прихватывал с собой с просветительской целью малоизвестные тогда книги Ивана Ильина и Ивана Солоневича. Наивные люди, мы еще питали надежду, что подобных-то знаний, вероятно, не хватает президенту, чтобы разобраться, куда править и с кем водить дружбу. Входя первым, выталкивая перед собой массивную тяжелую дверь, Белов сердито говорил Горбачеву: “Что это у вас дверь такая тугая?”

В 91-м, в начале сентября, он сказал в телекамеру, когда рассчитывали застать его растерянным и испуганным: “Сожалею, что моей подписи не оказалось под “Письмом к народу”. Я и сейчас готов его подписать”.

Писательство для Василия Белова — это заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Все, что написано Василием Ивановичем — от “Привычного дела” до “Канунов” и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, — все в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знает.

В. Распутин